

ПАВЕЛ ВЛАДЫКИН

На этой планете мы — живём...

Павел Владимирович Владыкин

На этой планете мы – живьём...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22202661

ISBN 9785448351396

Аннотация

Экологически чистые рассказы и новеллы. Главное – сохранить в чистоте души. Это случится, если будем бережно, с любовью относиться к природе и к человеку.

Содержание

Короткий роман о Романе	5
Смертельный миг триумфа	14
Ласт и Ластва	21
Знамение	24
Рябина во хмелю	29
Анчик и Пушкин	34
Конец ознакомительного фрагмента.	43

На этой планете мы – живём...

**Павел Владимирович
Владыкин**

© Павел Владимирович Владыкин, 2017

ISBN 978-5-4483-5139-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мой добрый читатель! В этой книге собраны экологически чистые рассказы. Называю их так не потому, что в них идеальная, стерильная экологическая чистота. Мир как мир, в нем всякого много.

Но у этих рассказов такая цель – в нашем загрязненном отходами и доходами мире попытаться помочь читающим эти рассказы сохранить в экологической чистоте свои души.

Автор

Короткий роман о Романе

Поднимаясь (маясь, а именно таким было тогда мое состояние) с привокзальной площади на стилобат станционного здания, я увидел Рому (Романа, Ромчика, Ромчу, Ромушку). Увидеть его, встретиться с ним мне нужно было для того, чтобы до крайности обострилось мое внутреннее состояние (СОС! – в этом слове). Очень нужно было, чтобы во мне образовалось поле напряжения, столь расслаблены были мои дни, в которых ничего не происходило.

Ну а вы меня поймете, если скажу, что получить внутреннее поле напряжения гораздо легче, чем избавиться от него. Да, да, да, да... Мощным обострением чувств обернулось знакомство с Ромочкой.

Я хочу, чтобы вы увидели вместе со мной Ромчика в том виде, в каком увидел его я. И чтобы поняли со мной вместе, в какой степени безнадеги находился этот черный рослый уставший, запущенный, красивый, грязный и чудесный большой королевский пудель.

Нет уж, если суждено было доктору Фаусту занять в свои советчики-оппоненты Мефистофеля первоначально в облике пуделя, то именно пудель как нельзя больше подходил для этой роли. Настолько это чуткое, утонченное, источающее ум животное.

Стародавний привокзальный запах неистребим. Камен-

ноугольный период нашего железнодорожного транспорта так же глубоко въелся в стены вокзала, как и в память. Вдохнешь и ощутишь ноздрями прошлое, то, что сидит в тебе с детства. И ты понимаешь, что мир, конечно, меняется, но только не здесь.

Поток пассажиров разбивался об угол станционного здания. Этот волнорез разваливал поток надвое, направляя его части к поездам и к билетным кассам.

У самого угла вокзала сидел большой черный согбенный пудель. Я уперся в него взглядом, когда нес письмо в почтовый ящик. Письма на железнодорожный почтамт я приносил тогда, когда хотел, чтобы они были быстрее отправлены.

На обратном пути я увидел, что пудель не трогался с места. И сидит такой же согбенный. Как все люди, я быстро узнаю собак бездомных, потерявшихся или намеренно оставленных на улице отчаявшимися от бедности хозяевами.

Пес был прекрасной породы – большой королевский пудель. Идеальная собака для дома, для семьи. Ни сыплющейся по комнатам шерсти, ни запаха, ни агрессивности. А сколько понятливости, догадливости и умения выполнять команды! Сколько доброты и нежного, почти няниного обращения с детьми!

Какая-то сердобольная женщина обратилась к пуделю с вопросом. Пудель прижался головой к ноге женщины. Видно было, как он продрог – октябрь перевалил в свою вторую половину.

Чуть постояв в стороне, я купил беляш у лотошницы и протянул собаке. Пес не жадничал, съел угощение не спеша.

Тут я решил. И далее не колебался.

– Пошли со мной, – сказал я пуделю.

Тот послушно встал и пошел за мной. Шел он, пошатываясь. Э, да ты так ослабел! Видно, давно бродяжничаешь.

У нас уже есть пудель. Тоже черный, королевский. Наша Анита. Именно поэтому я посчитал найденыша своим. А своим помогают в первую очередь.

Пес пытался бежать легкой рысцой (фирменная походка пуделей). Но от слабости его заваливало на бок. У большого панельного дома пес повернул к ближайшему подъезду. Значит, он жил в подобном доме. Дальше он послушно шел рядом со мной и слева, как ходят собаки, прошедшие начальную учебную подготовку.

Дома никто меня не журил. На удивление даже никто не удивился. Я был понят. А пес принят. Наверное, все у нас добрые.

Многим хочется быть добрыми. Любить и быть любимыми. Доброта – хорошо продуманное природное явление. Доброта началась с пчелиного улья. Для всех найдется ячейка. Тебя не только терпят, но и уважают и даже любят. Поэтому, если человек добр, то он испытывает добрые чувства ко многим.

После того, как потерялся Рома, сынок нашей пуделихи

Аниты, его ячейка в наших сердцах оставалась свободной.

Рома-Роман жил этажом ниже. Он был последышем. И по этой причине часто страдал. Анита принесла восемь щенков. Когда они стали есть кашу, щенки часто оттирали Рому, как самого маленького. Они и раньше оттирали его – от маминых сосков. И покусывали. Но когда все подросли, здоровенные девчонки (а в основном были они) быстро обнаружили слабость Ромчика. И рьяно стали его оттирать. От этого он рос медленно. Стал нервным, обидчивым. И не боролся за себя, предпочитая поскуливать.

При выборе щеночков Ромушку никто из прочитавших объявление в газете так и не взял. И если бы вдруг обнаружилось, что соседям внизу чрезвычайно нужен щенок (дети запросили), неизвестно, как бы мы пристроили последнего щенка.

Когда Рома жил в 10-й квартире, мы порою забирали его к себе в гости. Он очень радовался, узнавая родной дом, носился по комнатам, обнюхивал все углы.

Но на третье лето Рома потерялся на даче. Владельцы Ромчика долго искали его. И смирились с потерей.

По какому-то необъяснимому закону компенсации иногда приходит замена потерянному существу. Это не реинкарнация, не переселение душ. Но что-то близкое тому. Именно так, остро переживая от пропажи Ромы, я расценил появление ласточки в просторной выемке в стене нашей квартиры, со сквозным отверстием на улицу. Там мы держали банки

с вареньями, называя эту выемку с дверцей хрущевским холодильником. Мне показалось, что ласточка прилетела вместо Ромы. Что это в общем-то и был Роман.

Но вторая замена Ромы пришла с найденным псом. И мы назвали его Романом.

Для того, чтобы отыскать хозяев пуделя, дали мы объявления в газете и на радио.

Тут же принялись приводить Рому в порядок. Вычесали, вымыли его зоошампунем, что выводит паразитов. Дали ему таблетки от глистов, помазали глаза мазью от конъюнктивита. А когда решили еще раз помыть Рому, тот недовольно, хотя и сдержанно, тихо рявкнул и утянулся под стол.

После второго мытья я уложил дрожащего пса на старую шубу, закрыл его тряпьем.

Неделю мы подлечивали, кормили Рому. К нему вернулись силы. Он быстро определил свой статус, поставив себя на иерархической лестнице выше, чем Анита и кот Тишка. С самого начала эти ребята приняли Рому спокойно, дружелюбно и виду не подав, что это небывалое дело в их жизни.

Сытый Роман ложился наискосок в проеме кухонной двери, длинно-длинно вытянув передние лапы. Ложился в этом месте не без умысла, подчеркивая тем самым, что он высоко себя ценит и поэтому готов устраивать остальным некоторые неудобства. Ложился он, сохраняя гордую осанку, вытянув тело в строгую линию.

Хозяев собаки мы не нашли. И тогда послали в газету вто-

рое объявление – о том, что отдадим пуделя в хорошие руки.

Ромочка окреп. Как он радовался первой прогулке! Они с Анитой устроили беготню. Надо было видеть, как Рома летает в сквере. Рома летает. Летает не на крыльях – на ушах. Уши-то, уши... Они – в полете. Машут – вверх, вниз.

А однажды Роман меня удивил, потянувшись пастью к опустошенному мусорному ведру. Это означало, что у своих хозяев Ромчик носил пустое мусорное ведро.

По второму объявлению нам позвонила женщина, мать двух мальчиков. Но, услышав, что Рома в своих скитаниях очень исхудал и почти дистрофичен, положила трубку. Был еще звонок, звонил парень. И еще один звонок. Все обещали подумать, посоветоваться, перезвонить.

Так прошли три недели. По последнему звонку мы с дочерью пошли на трамвайную остановку – отдавать Ромчика. Девушка по имени Надя мало говорила, почти ничего не спрашивала. В основном говорили мы, рассказывали, как нашли Рому, как ухаживали за ним и какой он хороший. Мы торжественно назвали девушку новой хозяйкой Ромы. Попросили у нее телефон, чтобы мы могли справляться, как дела у Романа. Сказали: если не возражает, пусть даст нам адрес, трамвайную остановку. Надя сказала, что она живет в двухкомнатной квартире с отцом-инвалидом и братом. Назвала адрес, остановку трамвая. Затем достала длинный брезентовый поводок с ошейником и увела Романа.

На второй день мы позвонили. Хотелось узнать, как там

наш Ромочка. Женщина, взявшая трубку, сказала, что никакой Нади и никаких собак у них нет. Что это? Может быть, ошибочно записан телефон... Или девушка оговорилась, называя телефонный номер...

Мне суждено было переживать и переживать за Ромушку. Внутреннее напряжение росло и заполняло мою голову нелегкими мыслями, а душу тревожили опасения и ожидания не самого лучшего исхода.

Я решил съездить по названному адресу. Дом оказался на остановку дальше. Я нашел номер квартиры, позвонил. Дверь в общий для нескольких квартир коридор открыл хмельной мужчина. Я спросил Надю. Мужчина ответил, что такой здесь нет. Я сказал, что эта Надя взяла у нас вчера собаку Рому. «Нет здесь ни Нади, ни Ромы», – ответил мужчина. Тут из-за дверей раздался собачий лай и вышел парень, видимо, сын мужчины. Я не мог уйти, не развеяв сомнения. И рискнул сказать, может быть, малоприятное для мужчины: «Она говорила, что живет с отцом-инвалидом и братом. Ну, разрешите мне зайти в коридор».

Мужчина обозлился: «Вот только попробуйте переступить порог! Идите, идите отсюда!» Я повернулся и пошел к лестнице. Пьяноватый мужчина сопровождал меня, хромя, и агрессивно твердил: «Нет здесь девушки Нади! Нет здесь собаки Ромы!» Он прошел несколько ступеней за мной.

Ох уж эти «хорошие руки», берущие по объявлениям без-

домных животных!

Итак, это обман?! Телефон ложный, квартира сомнительная. Мы очень расстроились. Для чего надо было обманывать?! Конечно, могло быть и так: девица не желала, чтобы мы знали адрес, хотела обрубить концы. Вспомнили мы равнодушные Нади к Роману, она его даже не потрогала, не погладила, лишь деловито прицепила брезентовый поводок. А дочь сказала мне: «Да и как она выглядела, со своими подкрашенными зеленым карандашом глазами!»

Слыхали мы и читали, что есть такие люди, которые перепродают собак, особенно, породистых – для отправки их в Китай, в котором в те годы был собачий бум. А через месяц я услышал по радио, что на рынке в Молотилихе работало и было закрыто корейское кафе, в котором готовили гуляши из собак. Известно, что для корейцев и китайцев это обычное блюдо. Но нет, Рома совсем не подходил для этого, он был очень худой, да и породистый, что сулило выгоду новым владельцам. Нет, не мог Ромушука вот так погибнуть.

Был к нам еще один звонок. Позвонила та женщина, у которой двое мальчиков. Мы ей сообщили, что уже отдали пса.

Нет, Роман не погиб. Но пропал. Так пропал и Рома предыдущий. Так пропадают наши хорошие знакомые или любимые люди, которые уехали надолго и насовсем. Их мы не увидим больше. Они исчезли из нашей жизни, будто их нет вовсе.

Но ведь Рома может вернуться. В каком обличии? Ведь

только представить, что есть реинкарнация, переселение душ... Кто я? Кто я теперь? Холод... Это и есть – собачий холод?! Мысли короткие. Проблесками. Между какими-то сильными запахами. Между прыжками. Когда быстро бегаешь и форсируешь голос: «Ах!.. Ах!.. Ав!.. Ав!..»

Если бы можно было вернуть Рому первого и Рому второго! Ох и зажили бы мы! Зажили бы, зажили... Как бы мы зажили!..

Смертельный миг триумфа

В охотничьей избушке основательно засели мы вдвоём – я и бывший егерь Пьяных Иван Семёнович. Вот тебе, Семёныч, магарыч – рассказывай...

– Ну, вот – в Гилях есть зароды. Там живут сеголеток с матерью. Огурец протяни... Лоси там давно водятся. Зверя там часто берут.

– А кроме Гилей, где еще можно брать зверя?

– Да на вырубках под Панкратами. Там ров есть глубокий. На днях видел собственными шарами стадо кабанов.

– Расскажи то, о чем я просил.

– В тот день еще дома поделились на загонщиков и стрелков, как всегда. Но, бывает, делёж идёт всю дорогу до места охоты. Всегда находятся несогласные.

Загонщики двигались шумно, даже с перебором. Стрелки замерли, не дышат. Но шибко заполошно шли загонщики. Далеко услышал зверь, испуг нарастал. Это была лосиха. Ближе всех оказался Умкин. Он и погнал корову на Лобанова, который засел в стогу. Но давно напуганная лосиха свернула раньше. Она перебежала сильно заснеженную речку. Дала круг. Успокоившись, сделала лёжку. А потом вернулась в поле, на облюбованное место.

– А что было дальше?

– Вернулись мы в избушку. А потом бригадир снова повёл

нас в лес. А ты чё не пьёшь? Давай обрадуемся. Ну, в «буран» побросали лыжи. Рюкзаки оставили в избе. Я двадцатым был в лицензии на лося. На этот раз не загонщиком, а номерным. Лось шёл метрах в восьмидесяти от меня.. Я мог только пугнуть его. Пропустил лося. А соседний номерной стрелок пальнул. Понял, что промахнулся, и еще раз выстрелил.

Я подошел к добыче первым. Стрелявший номер сказал мне: «Добей». Пошел я добивать, но рука не поднялась. Да и не надо было. Лось кровью изошел.

А что сделал этот стрелявший номер? Он скатал свинцовый лист. И бил лося как жаканом. Первый выстрел только прошил кожу на холке, и пуля улетела в лес. Вторая пуля угодила в легкое. Там скатанный в трубку свинец развернулся. Изорвал лёгкое. Кровь через ноздри почти вся и вышла.

Все набросились на того охотника. С тех пор я ружье пополам переломил и перестал охотиться. Но по привычке приезжаю сюда, с охотниками общаюсь. Я человек природный, лесной.

Охотничья удача от многого зависит. Например, от места. Вот у русака круг – десять километров. У беяка – пять километров. И зайцы возвращаются на старое место. Правильно выберешь позицию, вот тебе и удача.

Везение зависит и от распределения. Загонщику лосей не важно, где он стоит. Получит он лосиные ноги. Гон – дело механическое, без особых затей. А вот распределение по но-

мерам – дело важное и потому договорное. Если лось на виду у двоих номерных, стрелять может только один, тот, к которому сохатый ближе.

Зверь часто выходит победителем в борьбе с человеком. Сколько живу, все удивляюсь сообразительности животных. Однажды охотники медведя – радиослушателя обнаружили. Он забрался на столб с радиопроводами и голову к проводам прижал. Если бы там электрический ток был, не полез бы. Ведь он же не дурак.

Ну так вот, шум опять пошел, будто полроты гонят лося на номера...

А другая бригада (как это не сказать) пошла на кабанов. Целый воз гнилых апельсинов подвезли. Кабаны кормиться прибежали. Двух кабанов там подстрелили.

«Умку» хоть в книгу рекордов ставь. Одним выстрелом однажды взял Умкин лося и глухаря. А Вениамин Дарский, было дело, дуплетом сразил двух кабанов.

Арсеньев, по прозвищу Дерсу Узала, как-то раз, поспешив, вместо сохатого чисто подрезал кустарник, будто пилой напил. . . Однажды в лошадь по ошибке стреляли. Она усккала, и судьба ее неизвестна.

Давай еще по маленькой! Капустку цепляй.

Но многие лоси проскальзывали как мыло. Живыми проходили через все номера.

Чего тебя еще интересует? Тепло у нас. Вон как меня разморило.

Когда это случилось, в избе тоже жарко было. Всех с вечера сморил сон. Лишь дежурный не спит – следит за собаками, за ружьями, сохраняет очаг. Под утро кашеварит. Один дежурный рассказывал, что кое-кто хохочет во сне. Может быть, анекдот только-только дошел...

Закон – вдоль номеров не стрелять. Встал на номер – замри, не дыши...

Номера встали около лесной дороги. По логу загонщики топчут снег. Их услышал на лежке лось. Встал, длинноногий, высоко вскинул рога.

По свежести кала наши доки-загонщики определяют, давно ли зверь прошёл. На зуб пробуют. Вот тут след ещё не замерз. Шаг размеренный и редкий. Сохатый шёл через кустарник – ветки подломились. Не пуган, похоже, рогатый...

Гонят загонщики лося на стрелков. Предохранители сняты, курки взведены. Все примечает номер. Шумно взлетел тетерев... Раздался хруст... С осин слетел снег... Куст шевельнулся... Все приметы – зверь движется. Вот показалась голова с ветвистыми рогами.

– Говоришь как по – писанному.

– Так ведь вы всегда так пишете. А мы привыкаем так говорить. Чтоб вам было проще писать-сочинять...

Лось, испуганный загонщиками, осторожен, напряжён. Стоит, шевелит ушами. Могучий, благородный зверь вышел на выстрел.

Стрелок поймал в цель лопатку. Задержал дыхание.

И плавно нажал на спуск. Лось вздрогнул. Пробежал метров пятнадцать, скатился в лог и там упал.

«Снимайте номера!» – кричит стрелок.

Тут же начинают разделять тушу. Идёт съёмка видеокамерой. Лося разрубили на четыре части. Ждут «буран». Загружают в него мясо. Кто-то схватил фал и покатил на лыжах за «бураном» к избушке. Вот так всё делается.

Ну и без кабана уезжать негоже. «Бугор», командир, пошел в разведку. Вдруг кромкой леса идёт лиса. Охотник вскинул карабин (полный магазин патронов). Свистят пули. Только порошу они подняли. В миг лиса исчезла в лесу.

– С пятисот метров брать лису – глупость! – орет сзади будто вечно сердитый Конщиков.

«Бугор» вернулся и увлек всех в лес. Там на поляне, на располовиненной копне лежит темная масса.

– Да это же мужик в телогрейке. Спит, на солнышке пригрелся. Пьяный, наверное, – говорит «Дерсу Узала».

Чуть шумнули. Мужик поднял голову, обнажив большие клыки. Это был кабан. «Мужик» спрыгнул с копны и пошел наметом по снегу. Загуляев – «зоркий глаз» – застрочил из «сайги». К нему другие присоединились. Только зря все. Кабан метнулся в хвойный лесок и там исчез. Пересекли лесок. На след вышли – ни крови, ни шерсти на кустах. Сумел засоня-кабан уйти.

Тут уж солнце зашло и луна поднялась. Повернули назад. В домишке выпили и закусили. Уехали. Осиротела охотни-

чья база.

А стрелять надо без дрожи в коленях. Шкуру не портить – метить в глаз.

Лосиную печень лучше всех приготовит Умкин. Деликатес!

– Ты все отвлекаешься, Иван Семёнович. Ты мне рассказываешь, как бывает у вас, да что когда делается. Про ту историю расскажи.

– Трубят рога, зовут в лес.

– Ну, давай-ка про тот день. Без лирики.

– Так я и говорю. Вениамин Дарский не имел в охотничьих трофеях рогов. Поскольку все коров добывал. Одиннадцать штук коров-лосих подстрелил за все свои охоты. Ходил босой по снегу. По примеру Кочкина. Утром встают. И не обуваясь – на снег, по сугробам. Кочкин («карабинер» его звали) играл с Дарским в карты на гуляние по снегу босиком. А избу Кочкин вытапливал как баню.

Вениамин Дарский очень недоволен был своим номером. «Не пойдёт сюда лось», – сказал он. А я его успокаиваю: «Здесь обязательно пойдёт. Жди, надейся».

И тут выходят на него сразу два лося. Ох, и сохатые! Ну и счастье! Роскошные рога. Особенно у первого – царские рога! Обоих лосей видел и соседний номер – Селедков. Он был дальше и левее. И, наверное, надеялся, что Дарский пропустит лосей.

То ли заспешил Вениамин, то ли передержал прицелива-

ние. Представляешь его состояние?! Вот он, миг торжества! Вот они, золотые рога! Вот он, охотничий триумф! Выстрелил. Ух ты, мать! Звери метнулись назад и в сторону.

Вот оно – счастье! И Вениамин упал... Он такого рогатого красавца ждал всю жизнь. Все дни недели до выходных грезил охотой.

Селедков первым прибежал к Дарскому. Тот еще дышал. И, может быть, только один из нас – Кочкин – мог ему помочь. Можно еще было попытаться вывести сердце из спазма.

Смерть пришла за Вениамином быстро.

Сияло солнце всю дорогу до избушки. На солнышко, что на смерть, во все глаза не взглянешь. Это я в четырехтомном словаре Владимира Даля прочел.

Одного лося Дарский, видимо, зацепил. Немного алых капель было разбросано по следу – как клюква замороженная на снегу.

Ласт и Ласта

Каждый его прилет сопровождался короткой фразой: «Цвирк-фьюить-цвирк!», что означает, видимо: «Ну вот, я здесь!» Меня давно уже заботит, что нет в нашем человеческом языке слова, точно передающего птичий свист. Поэтому приходится довольствоваться очень приблизительным «фьюить».

«Цвирк-фьюить-цвирк!» И все. Больше он не цвиркал и не свистел. Сидел себе тихонько. Иногда шуршал. Поселился он у нас под кухонным окном. Строители когда-то делали шкафики в стене, чтобы жильцы пользовались ими как холодильниками. В таких «холодильниках» были отверстия наружу, на улицу.

Ласт, как мы его назвали, вселился в шкафчик в конце апреля. Какое-то время он жил здесь один. «Цвирк-фьюить-цвирк!» И сидит себе, помалкивая.

Но вот у Ласта появилась подружка. И мы потом назвали ее Ласта. Но поначалу забеспокоились: а вот как появится выводок птенцов... И загрязнят птицы наш «холодильник»

И тогда я в отсутствие ласточек заткнул отверстие тряпкой. А вечер выдался предгрозовым. Подул сильный ветер. Побежали пылевые вихри.

И вскоре я услышал за стенкой отчаянный птичий крик. Влетев в лаз, птица наткнулась на преграду. Я выглянул в ок-

но. Две ласточки кружили во дворе. И снова – писк ласточки в начале лаза. И стремительное кружение растерянных птичек с косыми крыльями. Других птиц во дворе не было. Они уже попрятались от грозы. Так повторялось несколько раз: птицы кружили по двору и пытались попасть в свое гнездо под окном. Слышался писк, в котором были удивление и мольба.

Сердце не выдержало, и я открыл лаз. «Цвирк-фьюить-цвирк!» – и птицы в «холодильнике».

Назавтра еле уловимое шуршание заставило меня заглянуть под окно, в наш «птичник». Там на полке сидела одна птица. На следующий день повторилось то же самое: все птицы давно уже летали, одна Ласта сидела, вернее, лежала в «холодильнике». (Что это Ласта, я понял позднее, когда увидел, что вторая птица крупнее).

Я решил спугнуть ее, протянул руку. Но Ласта, глядя на меня, не улетела. Не ручная же она! Может, больна? Я поставил неподалеку от нее плоску с водой и подсыпал горстку крупы – геркулеса. (Тогда я еще не знал, что надо было давать ей каких-нибудь мух, жучков. Ласточки – хищные птицы и крупу не едят).

Но и на третий день птица никуда не улетела. Ну а поперек Ласты на ее спине лежал Ласт, явно согревая ее.

Еще через пару дней Ласта умерла. После ее похорон ужасная догадка пришла мне в голову: Ласта погибла от стресса, от переживаний, после того, как не могла попасть

в свое жилье из-за тряпки в отверстии. Или сильно ушиблась? И в случившемся виноват я?

Ласт жил в стене под окном еще несколько дней, возвращаясь со своим неизменным «Цвирк-фьюить-цвирк!» Но скоро писк прекратился. Я заглянул в «холодильник». Ласт лежал так же, как Ласта. И он никуда не улетал. Лежал он и на второй день. А на третий день Ласт исчез. Окреп, может быть, и покинул несостоявшееся гнездовье в поисках нового? Или это был последний отчаянный полет перед гибелью?

Что же случилось с Ластой и Ластом? Предположений у нас было несколько – от нервного срыва до инфекции. Тогда, пятнадцать лет назад, и речи не было о птичьем гриппе.

А когда же я чистил этот шкаф, обнаружил кулек с удобрением – с нитрофоской. Правда, кулек был на нижней полке, а птицы – на верхней. И дверца прилегала к доскам плотно. Неужели птицы наклевались вредных для них горошин? И есть ли во всем этом моя вина?

Ну что же, подождем до весны. Может, услышим в стене, за дверцей знакомое «Цвирк-фьюить-цвирк!»

Знамение

Мы с сестрой Нелей завели на огороде разговор. В тот день мы вскапывали землю под овощи. На даче нас было четверо. Еще – моя жена Нина и муж Нели Володя. Был хорошо прогретый майский день. Солнце стояло высоко. Но жарко не было.

У меня с Нелей состоялся разговор о религии. Неля – истово верующая (я бы даже сказал: неистово верующая). А я из тех людей, у которых всегда остаются вопросы. Я крещеный. И к Неле у меня был теологический вопрос. Я спросил: отчего же Господь никогда не явит себя? Почему не даст знать о себе сомневающимся? Неля решительно отрезала: «Это богохульство и даже говорить такое нельзя». «Знаю, – сказал я. – Но как было бы полезно для веры, если бы людям давалось Знамение».

На том разговор и закончился. Я вскопал большую грядку. И принялся «грабить» землю – обрабатывать грядку граблями. Во всю ширину гряды ворошил землю, дробил комки.

И вдруг! – там, где было солнце, появилось второе. Конечно, это было как бы лишь подобие солнца. Его нереальная копия. Это второе солнце было градусов на десять в стороне от солнца настоящего. И вокруг повторенного солнца был радужный ореол.

– Неля, – окликнул я сестру. – смотри, это же Знамение!..

Мы с тобой только что говорили о Божьих Знамениях. И я сказал: «Отчего же нет Знамений?» И вот оно – Божье Знамение.

Неужто, подумал я, Святой Дух явился в этом облике? Конечно, есть гало, так называемое ложное солнце. Это явление связано с преломлением солнечного света в ледяных кристаллах. Но почему оно сейчас – после моих вольных речей?

Удивляться было чему. Я принялся за другую грядку. Здорово размахался. Дело шло хорошо И вдруг! Ох уж это вдруг...

Вдруг я почувствовал боль ниже левой ключицы. Боль в сердце. Я вынужден был остановиться, положить грабли.

Узнав о случившемся, Нина и Неля отправили меня домой. Я прилег. Женщины дали мне сердечные лекарства. Но ничего не помогало. Боль держалась долго.

– Вот и второе Знамение, – не без горечи в голосе сказал я. – Это Господь наказал меня за богохульство. Сначала явил свою светлую силу. А потом наказал меня.

Когда на второй день я сходил к врачу и когда мне сделали кардиограмму, наш терапевт сказала: «Это не сердце. У вас грудной остеохондроз. Небось, на даче пере-трудились, вот потревоженный межреберный нерв и дал о себе знать».

Но ничто не могло поколебать мое мнение, что это были Знамения Божьи.

Третье Знамение я увидел на июньском небе, затянутом

дождевыми тучами. Мы были втроем на кухне нашей дачи: я, сестра и ее внук Алеша. Далее повторю слово в слово то, что я записал вслед за тем видением:

«21 июня 1997 года, вечер накануне Дня всех святых. После 22.30 зашел разговор о том, что бабе Клаве Кузнецовой, бухгалтеру редакции газеты, было видение. Она увидела в небе Деву Марию. Увидела ее в красочных нарядах, с улыбкой на устах. И вскоре после этого разговора, глянув в окно, я сказал Неле:

– Какой прямоугольник в тучах – ровный как дверь! Будто дверь в тучах открылась.

Когда Неля с Алешей подошли к окну и вгляделись в тучи, дверь уже деформировалась. Вместо этого проема в тучах появилась фигура – как бы фигура первовозвестника. А затем!.. Затем из темных туч сложился храм – с большим куполом. И вот – появилось несколько куполов.

Тут мы и поняли, что это – Знамение. Нам дано видение Божье!

Храм отklubился, исчез. И мы увидели, как появились головы, фигуры. Фигуры двигались с запада на восток. Впереди была фигура в плаще-хитоне. С явной бородой. Волосы длинные, пышные, темные. А лицо светлое. Старец шел, слегка наклонившись. И самое поразительное – в руке его был крест. Крест животворящий! (Пишу, как у меня записано – карандашом «М», мягко пишушим, не чертежным твердым, на пожелтевшем листе). Крест наклонен вперед

и немного вниз. На его оконечностях – шарики или кружочки. Один сверху и два по бокам. И кисть руки, держащая крест.

Далее появились крылья у идущего впереди. А позади шли один за другим такие же святые. Были головы, были тела. Все шли, слегка наклонившись вперед. У некоторых были крылья за спинами.

И все это – из туч, из обрывков туч.

Картины непрестанно менялись. Вместо однотонных, темных изображений появились объемные светлые, розовые, палевые. На востоке выглянуло голубое небо.

Новые картины имели несколько четких планов – передний и еще два-три вслед. И за ними задник – разрастающееся голубое небо. Тучи за клубились облаками. На куполе неба вырисовывались фрески облаков...

Все виденное было удивительно красивым. Райское место!

Затем в последних косматых тучах перед облаками появилась фигура женщины, расстилающей ткань на коленях. Богоматерь? На наших глазах она поднялась с колен, распрямилась.

И снова появился храм. Уже в лучах солнца. Возникли светящиеся фигуры. Между туч устремился на землю ясно видимый, будто прожекторный поток света. Святой Дух?

Были еще – меч, горизонтально направленный. И медведь. Русский медведь? Медведь, идущий на запад. Не могу

не сказать об этом, мы это видели втроем.

Потом все разошлось, развеялось, растворилось»...

Воспроизведено так, как было записано 21 июня 1997 года.

Наблюдали мы это явление с полчаса. Нам было Знамение. Знамения даются всем. Но многие их просто не замечают.

Видели все это, свидетельствуют:

Павел Владыкин, Неля Верхотурова, Алеша.

Рябина во хмелю

Володин был начальником небольшого вспомогательного отдела. Но сейчас это не имело никакого значения, так как Володин был грибником.

Встал он в шесть и порадовался розовому от солнца утру. Позавтракал крутым яйцом. Взял корзинку с почерневшим дном. Корзина была новая еще, но осенью в ней забыли сырую траву. Остаток осени трава гнила. И весной сгнила. Когда подсохшее гнилье выбросили, у белой плетеной корзины дно оказалось буро-черным.

Выйдя из проулка, Володин обнаружил, что за ним увязался Стежок, кудлатый песик соседей, в выходные приходящий на постой к домику приезжающего в деревню Володина. На постой Стежок переходил по причине дополнительного питания.

Понемногу Володин убедился, что лес, в который он вошел, не грибной. Сыроежки и несколько мелких красноголовиков, найденные на одном урожайном пяточке, едва прикрыли дно. А Володин ходил уже два часа. Ни еловые чащи, ни осиновые рощицы не радовали. Володин решил обследовать опушки. Но и там ничего кроме пары синявок не нашел. Видимо, белые грибы уже отошли.

Стежок шел за Володиным след в след и два раза взвизгнул, попав торопливыми лапами под подошву.

Володин от нечего делать переключился на отцветший зверобой. Собрал приличный пучок. Стежок начал поглядывать в сторону деревни. Стал притормаживать, помаленьку скулить, тем самым выражая свое настроение: я по дому соскучился. На это Володин отвечал энергичным взмахом руки – подтягивайся, мол. Кликнув Стежка, Володин спросил его, чтобы поддержать начатый безмолвный разговор:

«Скажи-ка, Стежок,
где наш белый грибок?»

Только сказал, и сразу увидел в ямке, обросшей крохотными березками, белый гриб.

Чистейший, ядреный. Березки эти стояли особняком. И тогда Володин сделал ставку на такие вот особняком стоящие там и тут деревца. Но и после обхода несколько березнячков корзина не пополнилась.

Тут Володин вспомнил, что не кормил Стежка. Ничего, ведь на охоту собаку берут голодную. Но на всякий случай протянул Стежку горсточку алого, мягкого шиповника. К удивлению Володина, Стежок шиповник съел. И еще горсть сжевал. И еще.

Чуть дальше прошли. И что-то яркое бросилось в глаза. Володин пригляделся – это была рябина. Крупные ягоды, большущие грозди создавали впечатление, что ягод больше, чем листья. Володин попробовал ягоды. Они оказались

не горькими, хотя шел август. А ведь известно, что горечь рябины проходит только с морозами.

Володин начал рвать грозди сочных, спелых ягод в корзину. И тут увидел, что рябину густо обвивает будто бы виноград. Был это хмель, с зелеными шишечками соплодий.

И тут же впритык к этому неожиданному содружеству стояла черемуха. Они так и росли вместе: рябина, хмель и черемуха.

Дикий хмель Володину видеть не приходилось. Он всмотрелся в бугры вокруг и понял: здесь был дом. Все, что от него осталось, ушло глубоко в землю, сгладилось, заросло травой.

И дальше видны были всхолмления – следы давно исчезнувшей небольшой деревни.

Не дикий был хмель, а одичавший. Но он, давным-давно посеянный хозяевами, продолжал расти. Рос он когда-то им, хозяевам, на радость. И теперь каждое лето выгонял к вершине свои хмельные плоды, предназначенные по-своему веселить людей. Рос хмель основательно, обильно, своими веревками-стеблями густо обвивая рябину.

Рябина во хмелю – пришло на ум аналитику начальнику отдела Володину. В эти минуты он перестал быть грибником. Отвлекся от мыслей о том, где можно найти, раздобыть столь желанное грибное счастье. А думал о том, что вот жили здесь люди, разводили то, что украшало и питало их жизни.

Но вот хозяев давно нет. Поумирали да поезжали, бросив обветшавшую деревеньку, точнее сказать, хуторок. А они,

эти растения, держатся вместе. Растут, живут. И в этом тоже есть смысл. Хотя гораздо больше было смысла в том, что росли эти деревья и растения возле жилья человека, для человека.

Но ведь послужили они еще одному человеку – их плоды собирает Володин.

И все же, и все же...

Набрав много рябины, хмеля и немного черемухи, грибник решил идти дальше.

Но тут произошло нечто странное. Хуторок заговорил. Володин услышал явственно детские голоса, как будто из-под земли шли эти голоса:

– Саня, Саня, отдай мяч!

– Он мне самой нужен.

– Отдай, Санька, мяч. Он футбольный. Девчонки такими не играют.

– Вот еще! Я тоже буду гонять футбол... Витька, не хватай мяч! Я еще не наигралась.

Голоса? Неужто меня глюки посетили, – забеспокоился Володин. – Хутора нет, а голоса – будто эхо из прошлого.

Спешно он покинул развалины деревеньки. За этими остатками деревни начинались косогоры и лес. Володин спустился вниз по косогору. И здесь-то лес подарил ему грибное счастье. На опушке он нашел два белых гриба, несколько красноголовиков. А дальше, в тени во мхах – десятка три поздних лисичек. И на выходе из лесочка набрел на одина-

ковые как пятаки маслята. Хотя тех, больших, медных пятак в карманах давно уже нет, но сравнение еще просится на язык. Такие чудные грибы, и все в одном месте, собрал вдруг ставший удачливым грибник.

Володин вышел из леска. И что-то яркое, броское притянуло его взгляд. Новый дом, обшитый вагонкой, стоял и смотрел окнами в поле. Вокруг дома зеленели молодые деревца. Дети носились за мячом. А в конце поля стрекотала какая-то техника. Чуть в стороне возвышалась небольшая, но крутая горушка с обрывом. Выходит, отраженные от горушки детские голоса звучали у заброшенного хутора.

И все-таки жизнь продолжается – подумал успокоено и с каким-то внутренним торжеством Володин.

Грибник спохватился: где Стежок? Оглянулся, позвал – безрезультатно. Ушел-таки домой, решил Володин. Но тут глянул под корзину, которую стоя держал в левой руке. Стежок – тут, под корзиной. Прилег, видно, от усталости, не шелохнется.

Домой шел Володин с приятной тяжестью в руке, корзина заполнилась доверху грибами да рябиной. И только время от времени снизу раздавалось: Бум! Бум! – это медленно плетущийся, ужасно уставший Стежок задевал головой дно корзины.

Анчик и Пушкин

Солнечный лучик добежал до Земли и материализовался в нашу Анечку

И вот теперь: для нас свет в окне – наша Аннушка. В одиннадцатый месяцев она знает, как ее зовут и на вопрос «Ты кто?» отвечает: «А-а-а-ня!» Да, долго тянет звук «а» и быстро, коротко произносит «ня!» – «А-а-а-ня!»

Анечка безусловно самая светлая личность. Сгусток светлой энергии. Вся сила в свете. Вся сила человека в свете, который он излучает. А темная энергия обесчеловечивает лютого.

Известно всем, кроме атеистов (но и атеисты об этом задумываются), что весь мир и всех нас породил Господь. И первым энергетиком был не кто иной, как сам Господь. Об этом повествует «Ветхий Завет» в первой книге «Бытие» (воспроизвожу по «Библии» 1912 г.):

3. И сказал Бог: да будет свет, И стал свет.

4. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы.

5. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один».

Много на белом свете народилось народу. Со временем среди людей возник вопрос:

– А за свет кто платить будет?

И сказал Господь:

– Люди и заплатят.

Но ведь сначала и денег не было. Долгое время свет шел бесплатно. Лучина почти бесплатной была. За свечи уже платили копейки. Потом за газовые фонари городские управы платили. А за электрические лампочки, созданные Лодыгиным, Яблочковым, Эдисоном, платить начали все. Слава Богу, еще с нас не берут за Божий свет...

В нашей жизни было даже такое: для кого-то Господь светоносный, а для кого-то ГОЭЛРО.

Платить за свет приходится всем. И не только 1 рубль в месяц за один киловатт электроэнергии по счетчику. За белый свет люди платят разочарованиями. Но приносит свет и радости, которых никак не меньше разочарований. Платить за белый свет приходится здоровьем. Но зато белый свет дает годы жизни. Наконец, человек расплачивается самой жизнью. Но зато он жил на планете Земля! Жизнь – это редчайшее и величайшее везение. Далеко не всем повезло родиться.

Жизнь получить – самое невероятное в жизни. Более ценного и редкостного в мире ничего нет и не будет. И нет в мире иного чего-то, столь же просветленного.

Быть на планете Земля живьем – это и есть чудо из чудес! Но это не все понимают. Как много тех, кто не ценит жизнь, ни свою, ни чужую.

Твоя жизнь, маленький человечек, была заложена в соля-

ном растворе, буйствующем на планете миллиарды лет назад. В пахте моря сбивались маслянистые капли жизни, чтобы потом войти в клетки – клетки ткани, живой и чуткой. Будучи заложенной в немыслимом далеке, твоя жизнь не прекращалась ни на миг. И лишь перекрещивалась, сталкивалась, схлестывалась и видоизменялась, совершенствовалась, соединялась с другими жизнями.

Господь предоставил человеку для жизни природу, прекрасную действительность. Дьявол предложил вместо этого уход от действительности, уход в иллюзии, которые дают наркомания, пьянство.

Не скажу что-то кощунственное, но Вселенная состоит из двух почти равных частей: весь мир и живое существо. Что такое ласковый весенний ветерок, если никто его не ощущает – ни человек, ни животное? Что такое работающий телевизор, если никто его не смотрит? Есть ли весенний ветерок, есть ли телевизор, есть ли голубое

небо, когда живого вокруг ничего нет и некому все это ощущать, воспринимать, чувствовать? Если дробить, если переходить на личности, то получается, что две равные части бытия это: весь мир и человек.

Мир и я. Анечка и мир. Вот что такое наша жизнь.

Дроблю дальше. Анечка и видимый мир:

Когда Анютка лежала в кроватке всего-то месяц, взгляд ее был несосредоточенный. Глаза разбредались в стороны. Но это были глаза прозревающего! Взгляд стал останавли-

ваться на всем, что вверху, на потолке. Это что за точка? А там вон трещинка... А это что такое – яркое, блестящее? Много, много яркого, блестящего. И все висит. Было темно, но что-то щелкнуло и стало светло-светло...

Да как у них тут интересно! Много всякого-разного, и большого, и маленького.

Проходили недели. Анечка разглядывала в комнате то, что подальше. Затем стала рассматривать то, что близко.

Можно даже подумать, что новорожденный – инопланетянин. Это тот же инопланетянин. Младенец ничего на нашей планете Земля не видел, не слышал, не ощущал. И вдруг все это – в глаза, в уши, в носик, на кончик языка.

У них, младенцев-инопланетян – все по-другому, все не так как у нас.

Когда Аннушку стали носить на руках, она начала смотреть всем в глаза. Смотрела пристально. Цеплялась сияющими глазами за взгляд держащего ее или стоящего перед нею и не отпускала. Надо быть разумненькой, чтобы так делать.

А когда ей, уже годовалой, улыбнулась тетя-садовница в садике около церкви и, уходя, что-то сказала, Аня улыбнулась и, не теряя улыбки, долго провожала ее взглядом, пока та не скрылась за углом дома.

Анчик и речь:

В полгода Аня произнесла первое слово. До этого она гулила. А тут – слово. Ей очень понравился наш котик Пушок. Полное его имя Пушкин. Так как мы взяли его в день 200-

летия со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина – 6 июня 1999 года. (А недавно в нашей семье к Пушку прицепилось прозвище Гламур. Наверное, потому, что уж очень часто звучит в российском новоязе это слово. Многие с удовольствием произносят его к месту и не к месту. А мы употребляем его совсем в другом смысле и произносим по-своему: Гла-мур-р-р...).

Нравился котик Ане (и гораздо больше нашей черной пуделихи Аниты), наверное, потому, что такой маленький и, значит, более близкий к ней по габаритам и по статусу небольшого существа. Так сказать, социально близкий элемент. И такой он пушистый и глазастый!

Мы ей говорили, что это – киса. И вдруг Анчик произносит: «Кых!»

И потом постоянно говорила, увидев кота: «Кых! Кых!» Это стало первым ее словом.

Анечке не было еще десяти месяцев, когда она освоила слова «мама», «папа», «баба», «деда». Самое любопытное, что она, познавая слова, смотрела на рот говорящего,

Не отрываясь, глядела на губы, зубы, язык. То есть, осваивала артикуляцию! Она даже забиралась в рот говорящего руками, раздирала губы, чтобы все разглядеть.

Я, к примеру, обучал Аню говорить «деда». Чтобы произнести эти звуки, ей важно было постичь, как надо извлекать эти три звука. Аннушка долго смотрела на мой рот. Увидела, что язык должен быть между зубами: «де-де-де». И как

улыбнется! То есть, таким образом сообщила: ага, поняла!

А уже на следующий день заговорила: «Де-де-де», «Де-да»...

Ну а ровно в год научилась Анечка говорить: «Пушкин». Любимым занятием Анчика было доставать книги с книжного шкафа, стоящего рядом с диваном. Она раскидывала книжки по дивану на глазах у не очень довольного этим деда. В руках ее оказалась книжка А. Никитина «Пушкин и Урал», с изображением Александра Сергеевича на обложке.

– Это Пушкин, – сказал я Анечке, – великий русский поэт. Пушкин – это наше все. Скажи: «Пушкин».

После нескольких попыток получить ответ на мой вопрос «Кто это?» Аня сказала: «Дядя». Это слово она уже говорила.

– Правильно, – сказал я, – А как зовут дядю? Зовут его Пушкин. Скажи: Пушкин.

И тут Аня отвечает:

– Пу!

– Кто-кто? Как этого дядю зовут? – показываю на портрет.

– П-п-у-у!.. – отвечает Анечка.

И потом, когда мы, смеясь, просили ее назвать дядю на обложке, Аня, лукаво улыбаясь и пузыря слюной, изрекала: «П-п-у-у-у!»

Ну и звуки! И это про него, про наше все?!..

Впрочем, нашему солнечному лучику, нашему солнечно-

му зайчику, прыгающему без остановки по комнатам, мы охотно позволяем такие вот радостные, веселящие нас шалости.

И мы все хотим, чтобы Анечка выросла умницей и талантливницей.

Есть у нас в городе памятник Пушкину. Ну и натерпелся скульптор Вячеслав Клыкков с этим памятником! Он в последние советские годы предложил чугунного Пушкина городским властям. Партвласти, известное дело, морщились, искали точку приложения идеологии и чего-то боялись. Привычно формулировали необходимые возражения: «Почему?» и «Почему бы не»...

Идеологический отдел резонно спрашивал: «Почему надо ставить Пушкина?», «Почему бы не поставить скульптуру своего писателя? У нас есть местные, наши известнейшие поэты». Какому своему поэту можно поставить памятник, отдел пропаганды и агитации не вспомнил. Но идею поставить памятник А.С.Пушкину зарубил.

Много лет литой Пушкин провалялся неизвестно где. Его откопал в новые для страны времена редактор многотиражной газеты завода авиадвигателей Александр Туревич. И к 200-летию Александра Сергеевича скульптуру поставили на улице Сибирской в глубине старого скверика, в двух кварталах от главпочтамта, на выдавшей виды стене которого – плита с надписью: «Нулевой километр. До Москвы 1300 верст».

У памятника проходило празднество в юбилейный пушкинский день. Редактор Туревич жаловался направо и налево: «Это я его откопал. А никто об этом и слова не скажет. Ведь это я его откопал»... «Кого? Пушкина?» – спросил я, услышав стенания Туревича.

И редактор Туревич поведал мне, как он услышал, что скульптура где-то на территории завода авиадвигателей, как его взволновала печальная судьбина памятника и как он долго искал его следы. Отыскал-таки Туревич Пушкина на свалке, среди металлолома. Пушкин лежал на эстакаде отдела главного металлурга, дожидаясь переплавки. Туревич нашел его по цилиндру, торчащему над металлическими конструкциями. Пришлось долго отдирать стальную стружку.

Однажды я шел по Сибирской. Вот памятник Александру Сергеевичу Пушкину. Он стоит в спокойном внутреннем состоянии, выставив вперед левую ножку и чуть откинувшись назад, что выдает плохо скрываемую гордыню. Руки за спиной перекрещены. В правой руке левая перчатка. Поэт безмятежен и далеко не готов запустить перчатку в подлое лицо. Бретер пока что в нем спит. Вокруг шеи повязан платок-галстук. Сюртук застегнут на шесть пуговиц, в два ряда.

За спиной Александра Сергеевича чугунный же полузабор. В решетках – литые сюжеты из пушкинских сказок. На постаменте надпись: «Чады мои любезныя потомки, родился я 26-го дня май лета 1999 от РХ, т.е. 08 июня по новому стилю. Ваш Пушкин».

Непонятно, почему скульптор с помощниками родили Пушкина 8 июня, ведь день рождения поэта – 6 июня.

В пушкинский юбилей я читал собравшейся у памятника публике свои стихи (читали многие). Я прочел стихи «Всепушкинский век», «В Михайловском», «Груз «двести» (Пушкин первый, кого везли под этим номером. И двухсотлетие Пушкина напомнило об этом).

Сегодня, как всегда, проходя мимо нашего Пушкина, я поприветствовал его. И, обернувшись, добавил имя, сочиненное Анечкой: «П-у-у-у!»

– Стервец! – раздался звонко-металлический голос. Так говорят через железную трубу.

Я шел быстро, не понимая, что произошло. И тут же услышал за спиной тяжелозвонкое скаканье. Чугунный Пушкин мчал за мной – легко при такой металломассе. Сначала я увидел узконосые штиблеты с высокими каблуками. Потом поразился, глядя, как развеваются и металлически бряцают полы сюртука. Я перевел шаг на бег.

Еще я не успел сообразить, как поступить дальше, а памятник-Пушкин резко остановился перед банером – огромной придорожной рекламой, на которой было написано: «Компьютеры – по бессовестно низким ценам!». Наглому тексту сопутствовал рисунок: мужчина-продавец без брюк (мол, до того дешево продаем, что сами без штанов остаемся).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.